

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89>

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС И ТОКИЙСКИЙ ТРИБУНАЛ: УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ксения Викторовна Питулько

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Басков пер., д. 16, лит. А

lokhi@yandex.ru

Аннотация

Историческое значение Хабаровского процесса не подлежит сомнению: по его результатам была установлена причастность военнослужащих Квантунской армии Японии к созданию и применению бактериологического оружия. Эти факты не исследовались Токийским трибуналом, приговором которого в нарушении законов и обычаев войны изобличались высшие военные и гражданские сановники милитаристской Японии. При различии предметной области судебного познания научный интерес представляет достижение цели сравнения доказательственной деятельности, стратегий обвинения и защиты, особенностей определения применимого права. При этом используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Новизна проведенного исследования определяется отсутствием опубликованных данных, относящихся к анализу процессуальных приемов, использованных при осуществлении правосудия в отношении этой категории военных преступников. Констатировав различную природу применимого при этом права, автор вводит в научный оборот термин «опосредующее правосудие», раскрывая его содержание и приводя аргументы относительно его жизнеспособности.

Ключевые слова: военные преступления; преступления против человечности; нарушение законов и обычаев войны; Хабаровский процесс; Токийский трибунал; международное уголовное правосудие; бактериологическое оружие.

Для цитирования: *Питулько К. В.* Хабаровский процесс и Токийский трибунал: установление обстоятельств совершения военных преступлений на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 80–89. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89>

Research Article

THE KHABAROVSK TRIAL AND THE TOKYO TRIBUNAL: ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF WAR CRIMES IN THE FAR EAST DURING WORLD WAR II

Kseniia V. Pitulko

St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
16, letter A Baskov Lane, St. Petersburg, 191014, Russia

lokhi@yandex.ru

Abstract

The historical significance of the Khabarovsk Trial is beyond doubt: its results established the involvement of servicemen of the Japanese Kwantung Army in the creation and use of bacteriological weapons. These facts were not investigated by the Tokyo Tribunal, whose verdict convicted the highest military and civil officials of militarist Japan of violating the laws and customs of war. Given the difference in the subject area of forensic knowledge, the scientific interest is in achieving the goal of comparing evidentiary activity, prosecution and defense strategies, and the specifics of determining the applicable law. In this case, formal legal and comparative legal methods are used. The novelty of the study is determined by the lack of published data related to the analysis of procedural techniques used in the administration of justice in relation to this category of war criminals. Having established the different nature of the applicable law, the author introduces the term “mediatory justice” into scientific circulation, revealing its content and providing arguments regarding its viability.

Keywords: war crimes; crimes against humanity; violation of the laws or customs of war; Khabarovsk Trial; Tokyo Tribunal; international criminal justice; biological weapon.

For citation: *Pitulko K. V.* The Khabarovsk Trial and the Tokyo Tribunal: Establishing the Circumstances of War Crimes in the Far East During World War II. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 80–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89>

Введение

После окончания Второй мировой войны возникла настоятельная необходимость не только публичного осуждения идеологии нацизма, расколовшей мир и приведшей к гибели не менее 71 млн жителей планеты, но и проведения открытого судебного процесса, в ходе которого были бы преданы гласности совершенные преступления против человечности. Становление послевоенного правопорядка в противном случае не могло бы состояться.

Беспрецедентная жестокость, невообразимый масштаб ее проявлений, огромное количество последователей идеологии нацизма, поправших все нравственные ценности, – именно эти обстоятельства обусловили постановку вопроса о возможной персональной ответственности нацистских преступников за зверства и массовые убийства.

Метод внесудебной расправы, очевидно, не мог использоваться в данном случае: страны, объединившиеся в борьбе с фашизмом, рассматривали его как изначально человеконенавистническую страту, которая должна была быть не просто уничтожена, но и навсегда заклеяна как не имеющая права на существование. Сплошная репрессия же в таком случае, как и библейский принцип талиона, фактически бы стала зеркальным отражением политики гитлеровской Германии и ее союзников. Аналогично неприемлемым оказался и инквизиционный прием, позволивший бы сформулировать публичные обвинения в адрес военных преступников, но не предоставивший бы им возможности высказаться перед судом. В данной ситуации, во-первых, существенно снизился бы общественный резонанс процесса, а во-вторых, такая модель привела бы к осуждению и, скорее всего, казни главных военных преступников, но полностью исключила бы ответственность большинства их последователей. В ходе Ялтинской конференции лидерами трех стран – СССР, США, Великобритании – было принято решение учредить надгосударственный судебный орган, который имел бы смешанную форму, соединяя обвинительные и состязательные элементы [1, с. 128–134].

Будучи реализованной на практике, эта концепция воплотилась в процессуальной деятельности двух трибуналов, каждый из которых – в пределах своей территориальной юрисдикции – проделал колоссальную работу по установлению обстоятельств совершения жестоких преступлений против человечности и назначению наказания лицам, организовавшим их совершение. Международный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси функционировал с 1945 до 1949 г., когда завершились «малые нюрнбергские процессы», и стал поистине «судом народов» над фашизмом [2, с. 15–21]. Международный военный трибунал для Дальнего Востока был учрежден в 1946 г. для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных японскими военными на оккупированных территориях, начиная с 1928 г. Одним из итогов деятельности международных трибуналов стало закрепление принципа применения национального права к военным преступникам и лицам, совершившим преступления против человечности.

На основании этого принципа во многих странах мира активно осуществлялось уголовное преследование нацистских преступников. Одним из ярких его примеров стал Хабаровский процесс, прошедший в 1949 г. в военном трибунале Приморского

военного округа. На скамье подсудимых оказались 12 военнослужащих Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия. Эти аспекты не были предметом исследования в Токийском трибунале, но имели тесную связь с обстоятельствами, которые оказались в призме судебного познания в период его работы. Сегодня представляется достаточно интересным выявить специфику состоявшейся процессуальной деятельности, которая, невзирая на различия моделей судопроизводства, привела к созданию общего вектора осуждения и наказания лиц, признанных виновными в совершении преступлений против гражданского населения и нарушении законов и обычаев войны. Материалы, отражающие процедуру исследования доказательств Токийским трибуналом, опубликованы более сорока лет назад [3]; документы о Хабаровском процессе обнародованы в 1950 г. [4], что позволяет обратиться к ним в исследовательских целях.

1. Токийский трибунал: особенности организации и предмет доказывания

Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока был утвержден 19 января 1946 г. указом Верховного главнокомандующего союзных держав генерала Д. Макартура. В соответствии с ним намечалась общая конфигурация будущего суда, его подсудность, особенности предания суду, поддержания обвинения и осуществления защиты. Текст Устава в значительной степени апеллировал к правилам судопроизводства, сложившимся в странах англосаксонской правовой семьи, поэтому предусматривал активную и в определенной степени дихотомическую роль прокурора. Так, производство следствия и последующее поддержание обвинения возлагалось на Главного обвинителя, применимое право характеризовалось идентично с нормами, получившими толкование Нюрнбергского трибунала, в доказывании достаточно широко мог использоваться аффидевит [5, с. 38–43].

Токийский трибунал был уполномочен инкриминировать подсудимым совершение трех групп (классы «А», «В» и «С») преступлений: преступления против мира (например, планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или не объявленной агрессивной войны), преступления против законов и обычаев войны (военные преступления), преступления против человечности (например, убийства, истребление, порабощение, ссылка и иные подобные действия в отношении гражданского населения). Перед судом предстали 29 военных преступников; формула обвинения охватывала 55 пунктов. Особенностью процессуального порядка определения перечня относимых доказательств: во-первых, ряд письменных документов имел преюдициальное значение; во-вторых, презюмировалось использование неосложненной формальностями процедуры исследования доказательств.

Полистадийный характер деятельности Токийского трибунала охватывал только производство судебного разбирательства. При этом принцип состязательности был существенно лимитирован. Сторона обвинения была свободна в процессуальной коммуникации с любыми участниками процесса. Напротив, подсудимые могли задавать вопросы друг другу, свидетелям или иным лицам только через защитника. Правом на представление доказательств стороны наделялись в равных объемах, однако вопрос о допустимости доказательств разрешался судьями. При том условии, что в тот исторический период именно социалистическая система су-

допроизводства не признавала необходимым неограниченную состязательность, тогда как англосаксонская и романо-германская позиционировали ее как основу для вынесения справедливого судебного решения, можно заключить, что Токийский трибунал отразил изначально репрессивную тенденцию. Бесспорно, что благоприятствование защите не было возможным, поскольку субъектный состав подсудимых и инкриминируемые им деяния изначально не предполагали оправдания или смягчения наказания. Однако использование регрессивного (по сравнению с Нюрнбергским процессом) стандарта осуществления правосудия привело к излишнему упрощению формулы обвинения.

В этой связи можно заключить, что Токийский трибунал установил виновность подсудимых в организации агрессии, участии в формировании единой коалиции, направленной на установление мирового господства и утверждение национальной исключительности. Суровые наказания были назначены высшим должностным лицам японской армии и членам кабинета министров, принимавшим решения об интервенции и военных операциях. Но инциденты, связанные с реализацией такой политики, не были предметом его рассмотрения. Многочисленные преступления японских военнослужащих на территории Китая («Нанкинская резня»), Сингапура, Филиппин («Батаанский марш смерти») не получили никакой оценки [6, с. 104–107]. Более того, стратегия защиты подсудимых основывалась на обширном упоминании об эксцессах, неосведомленности и личном неучастии подсудимых в их совершении. В отличие, например, от Нюрнбергского процесса, ставшего отправной точкой для уголовного преследования военных преступников, трибунал в Токио имел более узкую предметную подсудность.

2. Хабаровский процесс: приоритет норм национального права при выдвигании обвинения

Чрезмерно суженная подсудность стала фактором, заложенным в основу осуществления уголовного преследования за преступления, совершенные при участии военнослужащих японской армии, по законодательству СССР. Отчасти оно явилось следствием общей внешнеполитической обстановки, в которой проходил Токийский трибунал. 1946–1948 гг. ознаменовали собой начало «холодной войны», в которой СССР и бывшие союзники оказались на разных полюсах противостояния. С другой стороны, Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока заложил фундамент *soft law* (норм «мягкого права»), открыв тем самым возможность для применения национальных правовых норм в ситуациях, не получивших правовую оценку при отправлении международного уголовного правосудия. В частности, по результатам Хабаровского процесса была установлена причастность 12 японских военнослужащих к созданию и применению бактериологического оружия. Этот вопрос не исследовался Токийским трибуналом; более того, по инициативе генерала Макарура иммунитет от уголовного преследования получили генерал-лейтенант С. Исии (участник программы разработки биологического оружия, начальник отряда № 731) и генерал Вакамацу (начальник отряда № 100), несмотря на неоднократные требования СССР о его выдаче [7, с. 92].

Документы об организации Хабаровского процесса были рассекречены в 2021 г. Применимое право охватывалось двумя нормами: ст. 58.4 Уголовного кодекса РСФСР

1926 г. и ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Из обвинительного заключения следует, что подсудимым были инкриминированы три группы деяний: создание специальных формирований для подготовки бактериологической агрессии, проведение опытов над живыми людьми, планирование бактериологической атаки против СССР. Двое из подсудимых – бывший командующий Квантунской армии и бывший начальник производственного отдела отряда № 731 – полностью признали вину и дали показания о том, что ими велась активная работа по организации изысканий в области создания бактериологических авиабомб и артиллерийских снарядов, заражению почвы, водоемов и продовольствия, выведению возбудителей опасных болезней. Вдохновитель этой деятельности – генерал Исии – осуществлял ресурсное обеспечение производственного цикла этой деятельности. В 1940–1942 гг. на территории Китая отрядом № 731 под его руководством было совершено наземное заражение источников воды и продуктов питания; ранее имело место рассеивание с самолетов зараженных чумой блох.

Эти действия совершались в большинстве случаев за пределами пространственной юрисдикции советских судов (главным образом, на территории Китая и Маньчжурии). Однако и Нюрнбергский трибунал, и Токийский трибунал, завершив свою деятельность, открыли широкие возможности для правоприменения «по связи дел», сформировав механизм, который – с долей условности – можно охарактеризовать как опосредующее правосудие. Сущность опосредующего правосудия состоит в том, что национальные суды восполняют пробелы, допущенные международными судебными органами при рассмотрении дел, действуя на основе норм национального права. Причины пробелов – относительно узкие пределы доказывания по предъявленному обвинению (как в данном случае) или же, наличие недостаточно сформированного применимого права. Например, в 2022 г. Санкт-Петербургским городским судом было рассмотрено заявление Генерального прокурора РФ о признании блокады Ленинграда в 1941–1944 гг. актом геноцида; в заявлении отдельно отмечалось, что Нюрнбергский процесс правовой оценки событий в этом качестве не дал, поскольку нормативное понятие геноцида сложилось только к 1948 г., когда была принята соответствующая конвенция ООН. С учетом расширенного применения элементов *soft law* в международном праве можно утверждать, что концепция опосредующего правосудия ему не противоречит, а вытеснение абстрактных норм более конкретными и структурированными положениями национального права представляется логичным следствием современной конвергенции правовых систем.

3. Доказательственная база по делам о преступлениях, установленных приговорами в отношении японских военных преступников

Сразу же необходимо оговорить, что исследование доказательств Токийским трибуналом осуществлялось в конфликтной ситуации, поскольку подсудимые оспаривали вину, отрицали причастность к последствиям в виде массового уничто-

жения гражданского населения и объектов инфраструктуры, апеллировали к бремени исполнения должностных обязанностей. Хабаровский процесс, напротив, проходил в бесконфликтной обстановке, так как предъявленные обвинения в целом не оспаривались.

Эти обстоятельства позволяют констатировать наличие диаметрально противоположных стратегий защиты и практически идентичной стратегии обвинения.

Обвинение в Токийском трибунале поддерживалось в условиях четкой направленности на невозможность оправдания подсудимых. Для достижения этой цели использовалась концепция ответственности вышестоящего должностного лица за действия его подчиненных во исполнение отданных им приказов. Она имеет отражение и в нормах уголовного права России, в соответствии с которыми исполнение приказа не исключает ответственности (ст. 42 УК РФ), исполнение заведомо незаконного приказа является элементом соучастия в преступлении (ст. 32 УК РФ), а умыслом организатора охватываются все действия, совершенные исполнителем (ст. 33 УК РФ). Вследствие этого возможно признание организатора группы соисполнителем всех преступлений, совершенных ее участниками. В Токийском трибунале сторона обвинения акцентировала внимание судей на том обстоятельстве, что подсудимые как военачальники, отдавшие приказы, несут ответственность за все события, связанные с исполнением этих приказов военнослужащими (например, за «маньчжурский инцидент» – взрыв на железной дороге, повлекший вторжение японских войск и последующую аннексию Маньчжурии в 1931 г.). Уже во вступительной речи Главный обвинитель обратился к суду со словами об имманентной связи военных планов германских нацистов и подсудимых и их единой идеологической платформе, основанной на жестокости, насилии и пропаганде исключительности. Здесь можно усмотреть прямую отсылку к итогам Нюрнбергского процесса, которые полностью исключили возможность использования в защитных целях положений об ограничении ответственности в случае исполнения приказа. В дальнейшем стратегия обвинения строилась вокруг представления доказательств, характеризующих три основных тезиса: осведомленность подсудимых о проявлениях жестокости со стороны подчиненных им военнослужащих, наличие возможности прекратить эти действия, безразличное отношение к гибели гражданского населения и издевательствам над военнопленными.

В Хабаровском процессе у государственных обвинителей не было необходимости опровергать версии подсудимых о непричастности к преступлениям. Смертная казнь в тот период времени в СССР не применялась; до предъявления обвинения подсудимые находились в плену, и эти обстоятельства, возможно, наряду с той ролью, которую они выполняли при создании бактериологического оружия, а также с раскаянием, выраженным публично перед судом, стали условиями, нивелировавшими потенциальную тактику отрицания вины. В период Токийского трибунала несколько подсудимых уже были допрошены, а их письменные показания передавались представителем СССР для приобщения к материалам дела [8, с. 91–100]. Из этого можно сделать вывод, что во время Хабаровского процесса эти показания подвергались дополнительной верификации, а кроме того, добровольность их дачи в ином процессуальном статусе заранее исключила возможное отрицание

вины. В качестве дополнительных доказательств в Хабаровском процессе широко использовались заключения экспертов о назначении экспериментальной и производственной деятельности отрядов Квантунской армии, в которых проходили службу подсудимые. Это позволило подробнее обосновать обвинительный тезис в условиях ординарного (основанного на равенстве процессуальных прав участников) судебного разбирательства.

Стратегия защиты подсудимых в Токийском трибунале определялась отрицанием ими вины. Интересы каждого подсудимого защищали четверо адвокатов; в совокупности сторона защиты представила суду 1602 документа и настояла на вызове 524 свидетелей. Базовая версия, которая предлагалась для судебной оценки, – эксцесс исполнителей. В отсутствие прямой причастности подсудимых к бомбежкам объектов гражданской инфраструктуры, жестокому обращению с военнопленными и убийствам гражданских лиц такая стратегия носит очевидный характер. Дополнительными аргументами стала географическая удаленность Японии от мест совершения военных преступлений, невозможность подсудимых лично контролировать ход военных операций, неосведомленность об их деталях. Кроме того, адвокатами ставился вопрос и об обратной силе закона: Устав международного военного трибунала для Дальнего Востока был принят после окончания военных действий и не применялся в момент, когда происходили инкриминируемые события. По сути, при фактической согласии с предъявленным обвинением защита оспаривала его правовое содержание.

Напротив, в Хабаровском процессе не использовался аргумент о том, что обвинение не основано на законе. Пределы судебного разбирательства при этом несколько изменились: со ст. 58.4 УК РСФСР (содействие в проведении враждебной деятельности) действия подсудимых были переквалифицированы на ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39. Юридическое содержание этой нормы обладало своей спецификой: будучи принята в военное время, когда часть территории государства была оккупирована, она устанавливала, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение. Ее территориальное действие, равно как и установленный субъектный состав лиц, подлежащих ответственности, не имели связи с дальневосточным регионом. Однако ее использование в Хабаровском процессе стало возможным, поскольку запрет применения уголовного закона по аналогии в советском праве тогда отсутствовал. Стратегия защиты в большей степени была основана на констатации раскаяния подсудимых и осознания ими личной ответственности за исполнение преступных приказов.

Заключение

Хабаровский судебный процесс стал закономерным продолжением Токийского трибунала [9, с. 61–69]. Его историческая роль заключалась в установлении обстоятельств разработки и применения опаснейшего бактериологического оружия. Такой нетрадиционный предмет судебного познания открыл мировому сообществу

ву глаза на еще одну угрозу, реализуемую во время агрессивной войны. Токийский трибунал оперировал фактами, относящимися к вооруженному насилию и демонстративной жестокости, установление которых является менее сложным, поскольку такие действия совершаются открыто.

Завершение Хабаровского процесса знаменовало собой новый этап осуществления уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности. Поскольку обвинения, предъявленные Токийским трибуналом, лишь частично отражали объем содеянного при косвенном или прямом участии подсудимых, нормы международного уголовного права в этой ситуации могли только ограниченно обеспечить неотвратимость наказания. В этой ситуации осуждение находящихся на территории СССР пленных военнослужащих японской армии на основании норм советского уголовного законодательства было полностью справедливым. Более того, этот прецедент основывался на результатах, удостоверенных приговором Нюрнбергского трибунала, и открыл возможность последующего наказания военных преступников с применением норм национального права.

Токийский трибунал и Хабаровский процесс проходили в диаметрально противоположных судебных ситуациях: конфликтной и бесконфликтной. В связи с этим различались стратегии обвинения и защиты. Однако процедуры оценки доказательств были практически идентичными, а достигнутые результаты – осуждение и наказание лиц, виновных в преступлениях против человечности, – внесли общий вклад в формирование послевоенного правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. *Александров А. И.* Крымская конференция и Нюрнбергский процесс: уроки истории // Перспективы. 2020. № 2.
2. *Багдасарян С. Д., Каширина С. В.* История международного трибунала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Вып. 2.
3. *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М. : Воениздат, 1984.
4. Сборник материалов судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М. : Госполитиздат, 1950.
5. *Лестев А. Е.* Использование аффидевита в практике Международного военного трибунала для Дальнего Востока // Политика и общество. 2020. № 1.
6. *Орлова С. А.* Преступления японских военных в годы Второй мировой войны // Вестник Ивановского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Вып. 4.
7. *Питулько К. В., Коряковцев В. В., Сергеева А. А.* Международное уголовное право и процесс. М. : КНОРУС, 2023.
8. *Бутрим И. И.* Правовое наследие Хабаровского процесса в международном гуманитарном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.

9. *Бастрыкин А. И.* Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1.

References

1. *Aleksandrov A. I.* The Crimean Conference and the Nuremberg Trials: Lessons of History. *Prospects*, 2020, no. 2. (In Russ.)
2. *Baghdasarian S.D., Kashirina S.V.* History of the International Tribunal. *Bulletin of Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, 2020, Issue 2. (In Russ.)
3. *Smirnov L. N., Zaitsev E. B.* Court in Tokyo. Moscow: Voenizdat, 1984. (In Russ.)
4. Collection of Materials from the Trial of Former Japanese Army Servicemen Accused of Preparing and Using Bacteriological Weapons. Moscow: Gospolitizdat, 1950. (In Russ.)
5. *Lestev A. E.* Use of the Affidavit in the Practice of the International Military Tribunal for the Far East. *Politics and Society*, 2020, no. 1. (In Russ.)
6. *Orlova S. A.* Crimes of the Japanese Military During World War II. *Bulletin of Ivanovo University. Series "Humanities"*, 2018, Issue 4. (In Russ.)
7. *Pitulko K. V., Koriakovtsev V. V., Sergeeva A. A.* International Criminal Law and Process. Moscow: KNORUS, 2023. (In Russ.)
8. *Butrim I. I.* Legal Legacy of the Khabarovsk Process in International Humanitarian Law. *Legal Policy and Legal Life*, 2021, no. 3. (In Russ.)
9. *Bastrykin A. I.* Preparation for the Khabarovsk Process and Its Significance for International Law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:

К. В. Питулько – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

K. V. Pitulko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 27.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.